

УДК 94(51)"653"+94(47).08

ББК 63.3(54)41+63.3(2)6

**Изучение социально-политической структуры
раннесредневековых кыргызов Саяно-Алтая в контексте
развития отечественного кочевниковедения в конце
1960-х — начале 1990-х гг.***

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Analysis of the Socio-Political Structure of Early Medieval
Kyrgyz of Sayan-Altai in the Context of the Development
of the Domestic Nomadology in Late 1960's — Early 1990's**

P.K. Dashkovskiy

Altai State University (Barnaul, Russia)

Конец 1960-х — начало 1990-х гг. — один из важнейших этапов в изучении социальных и политических систем средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. В это время методологической основой изучения исторических процессов, в том числе кочевых обществ, по-прежнему оставался исторический материализм. В соответствии с марксистской традицией номадные сообщества раннего Средневековья рассматривались преимущественно как «переходные» к феодализму, раннефеодальные или сложившиеся феодальные. В то же время постепенно стали высказываться и другие мнения. В частности, С.Г. Кляшторный указывал на то, что основную роль у номадов играли свободные мужи-воины, а рабовладельческая эксплуатация была связана только с домашним трудом плененных женщин. В отношении властных институтов следует отметить, что большинство ученых рассматривали крупные политические образования номадов VI–XI вв., в том числе Кыргызский каганат, как государства. Значительные успехи в рассматриваемый период были достигнуты в археологическом изучении памятников кыргызской культуры, что дало основы для детального изучения погребальной обрядности и палеосоциальных реконструкций, проводимых Г.В. Длужневской, Д.Г. Савиновым, Ю.С. Худяковым, П.П. Азбелевым. Однако социальное направление в средневековой номадологии было менее масштабно представлено по сравнению со скифологией. Это объясняется тем, что число кыргызских памятников было меньше, чем объектов эпохи поздней древности. Кроме того, сама специфика погребального обряда кыргызов не давала возможности

The period of late 1960s — early 1990s is one of the most important stages in the study of social and political systems of medieval nomads of southern Siberia and Central Asia. At this time, a historical materialism was still the main methodological basis for the study of historical processes, including nomadic societies. According to the Marxist tradition the communities of nomads of early Middle Ages were primarily considered as a “transitional” to feudalism, early feudal or formed feudal. At the same time other opinions on this subject began to express. In particular, S.G. Klyashtorniy explained that free men warriors played the main role in the nomads’ community, and slave-holding exploitation was related only to housekeeping of captive women. It should be noted that in the case of the institutions of power most of scientists considered the large political formation of nomads of VI–XIth centuries including Kyrgyz Khaganate as a state. In this period researchers achieved much success in study of archaeological monuments of Kyrgyz culture, which gave the basis for a detailed study of the funeral rites and paleo-social reconstructions made by G.V. Dluzhnevskaya, D.G. Savinov, Y.S. Khudyakov, P.P. Azbelev. However, the social line of investigation in medieval nomadology was less presented in compare with the research of Scythians people. This may be explained by the fact that the number of Kyrgyz monuments was less than the objects of the Late Antiquity. In addition, a specific of burial rite of Kyrgyz made it impossible to identify a wide range of social signs of burial as it could be done on the materials of Pazyryk and Xiongnu culture. In general, only in mentioned period there were possible to give a complete estimation of so-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Формирование и функционирование элиты в социальной структуре кочевников Саяно-Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья» (проект № 13-31-01204).

выявить широкий спектр социально-диагностирующих признаков, как это можно было сделать на материалах пазырыкской или хуннуской культур. В целом, именно в рассматриваемый период удалось дать достаточно целостную оценку социально-политической организации кыргызов с опорой на разнообразные источники и с минимальным идеологическим влиянием на концепции ученых.

Ключевые слова: историография, енисейские кыргызы, социально-политическая организация, Южная Сибирь, Центральная Азия, Средневековье.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-12

Во второй половине 1960-х — 1980-е гг. произошли серьезные изменения в развитии отечественной науки, что позитивно сказалось на качестве социальных исследований в отечественном кочевниковедении [1]. Менее догматизированные схемы развития кочевников позволили более адекватно историческим реалиям освещать вопросы социального и политического устройства. Большое значение в рассматриваемый период имела разработка концепции раннеклассового общества. Суть ее в общих чертах сводилась к тому, что раннеклассовое общество было переходным от первобытного к классовому, в котором классовая элита еще только зарождалась и не могла передавать по наследству свои накопления и общественный статус, соответственно этому не сложились государственные институты, не оформилась монополия на применение силы, сохранялась высокая социальная мобильность и пр. Тем самым акцент в теории раннеклассового общества делался на его предклассовый характер и отсутствие государственности (правда, в решении последнего вопроса единства мнений не было). Вместе с тем теоретическая модель раннеклассового объединения так же, как и дофеодального социума, предполагала сочетание в себе элементов различных социально-экономических формаций, что, по логике, должно было определять дальнейшую эволюцию кочевников раннеклассовых объединений [2; 3, с. 93–97; 4; 5, с. 60–99]. Если земельные раннеклассовые общества потенциально могли эволюционировать в сторону классовых структур, то кочевники, у которых, как полагали исследователи 1970–1980-х гг., преобладали черты поздней первобытности, так и оставались на раннеклассовом уровне, воспроизводя детерминированные степными условиями традиционные формы кочевания, родоплеменные институты и тесные социальные связи аулов, кланов, племен, а это блокировало возможность становления классовых отношений [6; 7].

Концепция раннеклассового общества применительно к социальным оценкам кочевников Средневековья отражала сформировавшиеся убеждения части совет-

ско-политической организации кочевников на основе разнообразия источников и с минимальным идеологическим влиянием на концепции ученых.

Key words: historiography, Yenisei Kyrgyz, socio-political organization, southern Siberia, Central Asia, the Middle Ages.

ских кочевниковедов в том, что феодальное, сословно-классовое общество даже потенциально не могло возникнуть у кочевников. Непосредственно против существования у кочевников «классических феодальных отношений», «кочевого феодализма» выступили Г.Е. Марков, С.Е. Толыбеков, Е.М. Залкинд, К.П. Калиновская, Ч.Я. Язлыев, С.П. Поляков и др. Пределом общественного прогресса кочевников считались «военная демократия», «раннеклассовые» отношения, «племенное государство». Родоплеменные структуры рассматривались как единственно возможная форма организации экономической, социальной и военно-политической жизни кочевников [6, с. 29–30; 8, с. 287–303, 305–310; 9, с. 297–326; 10; 11, с. 98–107].

Среди других теоретических разработок ученых необходимо также отметить представления о схожести социальной организации кочевников древности и Средневековья (А.М. Хазанов), структурный анализ кочевых обществ (Н.Э. Масанова) [12; 13]. В контекст этих исследований вписывались и работы Л.Н. Гумилева 1960-х гг. [14]. С учетом сохранения среди отечественных специалистов довольно большого круга сторонников феодализма у кочевников перед исследователями социально-политической организации раннесредневековых кочевников возникла вполне реальная возможность выбора между разными концептуальными подходами.

Другой особенностью рассматриваемого периода является то, что в 1970–1980-е гг. уровень изученности археологических и письменных источников позволил ученым решать задачи по реконструкции социальной жизни средневековых кочевников. Наибольшим вниманием отечественных археологов по-прежнему пользовались памятники, связанные с историей и культурой центральноазиатских каганатов, в том числе Кыргызского. Сохраняло свое значение мнение Л.П. Потапова о «патриархально-феодальном» облике данных образований [15, с. 279–280; 16, с. 155–156]. Наиболее распространенной можно считать точку зрения о «раннефеодальном»

характере обществ древнетюркской эпохи. Такая позиция, определявшаяся в основном марксистской методологией и информацией письменных источников, даже не требовала серьезной археологической аргументации, кроме упоминания общественной дифференциации, отраженной в погребальных памятниках [17, с. 46–47; 18, с. 44; 19, с. 31, 34]. Формационной модели феодализма наиболее соответствовала оценка Л.Р. Кызласовым [20, с. 53–54; 21, с. 183–186; 17, с. 51; 22, с. 43–45] Кыргызского каганата как «раннефеодального» (в VI–VIII вв.) и «феодального» (в VIII–X вв.) объединения с «государственным и частным землепользованием», переходящим от «военно-ленного» в «вотчино-феодальное» землевладение, с «закабаленным населением», которое несло «воинскую и трудовые повинности» в пользу «феодалов» и платило «натуральные налоги» «феодальному государству».

Формационно-хронологические стереотипы нередко определяли социальные интерпретации древнетюркских погребений. Так, для А.Д. Грача [23, с. 53–54] сравнение с раннекочевническими памятниками древнетюркских захоронений «свидетельствовало» не только о социальной дифференциации, но и о «сложении классового общества и государственных форм социальной организации». При этом в качестве критериев стратификации выступали бедность и богатство инвентаря, отсутствие и наличие сопроводительных захоронений коней, различия в размерах насыпи и устройстве внутримогильных сооружений [24, с. 43, 57; 17, с. 46–47; 18, с. 44; 19, с. 34–35; 25, с. 44; 26, с. 64–65]. В то же время исследователи понимали, что данные показатели в значительной мере обуславливались и половозрастной дифференциацией [27, с. 193–200; 28, с. 200–201]. Таким образом, в раннесредневековых памятниках кочевников социальное ранжирование было выражено менее ярко, чем в погребениях скифского времени. Проблематична была и фиксация «классового» характера общества на основании археологических источников.

Этнические аспекты социально-политического развития кочевников в древнетюркское время затронул в своих исследованиях Д.Г. Савинов. Для него характерна трактовка генезиса государственности как смены этнических элит при сохранении преемственности социальных институтов [29, с. 43–44; 30]. Из этих же представлений вытекало мнение автора о двойственной природе социальной организации каганатов, где социальная и этническая дифференциации пересекались [29, с. 42–44]. Гипотеза археолога подразумевала, что отношения между различными видами этнических общностей (этнолингвистическими, этнокультурными, этносоциальными), входивших в состав того или иного кочевого государства, строились на основе строгой социально-этнической стратифи-

кации с выделением этноса-элиты и ряда вассальных племен. Как считал Д.Г. Савинов [29, с. 44–45], подготовленные своим внутренним развитием к принятию новшеств в области техники, быта, искусства и общественных отношений зависимые племена «стремились к выходу из сложившейся системы протектората», «смене политической гегемонии в свою пользу» и созданию «собственной государственности». Концепция «двойной элиты» получила дальнейшее развитие в творчестве как самого Д.Г. Савинова [31], так и других исследователей [32–34].

Большую роль военной организации в сложении государственности у кочевников подчеркивал Ю.С. Худяков. Согласно его точке зрения, в Кыргызском каганате «система управления войсками» и «государственная администрация» совпадали. В кыргызских чиновниках высшего ранга, упоминаемых в танских хрониках, исследователь видел командующих туменов и полутуменов. Персональные звания Хэси-бэй, Аизюйшиби-бэй и Ами-бэй, как полагал Ю.С. Худяков, означали, по аналогии с высшими чинами Тюркского каганата, определенную степень родства в правящей семье, при этом Хэси-бэй мог выступать в роли наследника престола. Следующие по рангу — министры, «вероятно, происходили из числа старой родовой аристократии — бегов», а чиновники 3–4 ранга состояли из военнослужилой знати [35, с. 207–210; 36, с. 98–99].

Не отвергая подобную трактовку, можно высказать сомнение в том, что основой формирования среднего звена командования было условное держание земли. Любой мужчина-кыргыз уже по факту рождения входил в то или иное подразделение армии. Не случайно в кочевых государствах опоздание на военные сборы каралось смертью [37, с. 36]. Лидеры родоплеменных структур, проявившие себя в сражениях и завоевавшие доверие кагана воины могли занимать высокие посты в руководстве страной и войсками. Немаловажно и то, что военная организация кыргызов стала оформляться еще до их успехов в войнах с уйгурами. Поэтому речь скорее может идти не о условном владении, а вознаграждении, получаемом отдельными родами или ветеранами. Подобный вариант предполагал и Ю.С. Худяков, говоря о последствиях поражения кыргызов от тюрок в 710 г., когда тюркские воины-«ветераны» вместе с семьями были расселены в стратегически важных пунктах Хакаско-Минусинской котловины [38, с. 88–89; 39, с. 201–202; 40, с. 92–93].

Ю.С. Худяков указал на одну из причин сравнительной недолговечности кочевых государств Центральной Азии. По его мнению, переход «рядовых членов правящего племени на военизированное положение означал подрыв их традиционного хозяйства, быструю убыль мужского населения фертильного возраста в войнах, размывание этноса вследствие

расселения на большой территории в иной этнической среде» [35, с. 209]. Исследователь считал, что нечто подобное произошло и с кыргызами, так как в войнах с уйгурами poleg «весь цвет кыргызского воинства». Он обратил внимание, что большинство кыргызских погребений с оружием в Туве имели в составе инвентаря палаши. С учетом предположения археолога, что рубящее оружие передавалось по наследству, тувинские захоронения свидетельствовали о том, что у погибших еще не было мужского потомства. Чтобы не «распылять» свои силы на огромной территории, кыргызы в конечном итоге вынуждены были отказаться от контроля за южными областями [35, с. 211; 36, с. 104].

Реконструируя социальную и военно-политическую историю Кыргызского каганата, Ю.С. Худяков обратился к типологии погребений Хакасско-Минусинской котловины VI–X вв. В «эпоху чаа-тас» (VI–VIII вв.), по представлениям ученого, существовало несколько типов захоронений, отражавших социальную (этносоциальную) дифференциацию «минусинского населения». В курганах чаа-тас он видел «семейные» погребения «родовой знати». Характерные для «письменных кыргызов» трупосожжения, размеры и особенности надмогильных конструкций, «кыргызские вазы», обильность жертвенного мяса (до 17 особей) не противоречили такой версии [39, с. 198; 40, с. 89–90; 41 с. 36–48]. Имущественные и социальные различия погребенных в чаа-тасах говорили о неоднородности привилегированной группы. В качестве примера Ю.С. Худяков указал на чаа-тас Кезимег-хол на Табате. Местная «знать» выглядела «предельно нищей», что фиксировалось и в ограбленных, и нетронутых курганах. Такую ситуацию археолог считал наиболее характерной для периферийных чаа-тасов (Тепсей-ХI, Обалых-биль), отличавшихся от принадлежавших каганскому роду Копенского и Уйбатского чаа-тасов [41, с. 57–58; 40, с. 89–90].

Полагая, что взрослых кыргызов кремировали, исследователь интерпретировал трупосожжения под полами курганов, отдельными насыпями и каменными выкладками как погребения «рядовых членов кыргызского общества» [39, с. 199–200; 41, с. 58; 42, с. 144; 40, с. 90]. Захоронения детей до 15 лет по обряду трупоположения подчеркивали возрастную дифференциацию, причем детей до трех лет хоронили без инвентаря, а более старших сопровождали 1–2 сосуда и мясо овцы [39, с. 201]. Отдельную группу составляли погребения «кыштымов», в состав которых Ю.С. Худяков [39, с. 201; 41, с. 57–58; 42, с. 144; 40, с. 92] включил трупоположения в чаа-тасах (между стенками и стелами чаа-тасов или под самими насыпями) и погребения взрослых людей с подогнутыми ногами (без инвентаря; реже с мясом и отдельными вещами) под каменными выкладками.

В IX–X вв. получил распространение новый тип памятников — кыргысур — сожжения в яме или на горизонте под каменной насыпью, рядом с которой иногда находилась стела с эпитафиями. В качестве причин эволюции обряда Ю.С. Худяков [39, с. 202] назвал подражание кыргызов «кок-тюлкам» и подвижность населения, вызванную миграцией на юг и распадом родовых связей. В захоронениях «кыштымов» появилось оружие, и по инвентарю, как отметил ученый, наметилась градация их погребальных комплексов. Расположение погребений «кыштымов» на одних кладбищах с кыргызскими свидетельствовало об изменении в социальной системе каганата [39, с. 202; 42, с. 145].

Наиболее детально социальную структуру ранне-средневековых кочевых обществ Центральной Азии, в том числе кыргызов, исследовал С.Г. Кляшторный. Анализ его концепции уже подробно рассматривался в науке [1], поэтому отметим только некоторые принципиальные моменты, касаемые кыргызов. По мнению ученого, тюркский племенной союз, состоявший из племен (бодун) и родов (огуш), был политически организован в эль — имперскую структуру. Каждую племенную группу — тюркскую, уйгурскую, кыргызскую — связывала идеология генеалогической общности, реальной материальной базой которой было право собственности на коренные и завоеванные земли, право на долю в доходах от военной добычи, эксплуатация побежденных и покоренных племен. Следует отметить, что тюрколог относил общественную систему кочевников к социологически открытым обществам, так как, несмотря на иерархизированность, они обладали высоким потенциалом социальной мобильности. Военная доблесть и богатство давали возможность продвижения по социальной лестнице. Даже смена кочевой элиты (фактически возникновение нового государства) рассматривалась ученым как изменение в положении отдельных сегментов (родов и племен) общества [43; 44].

С.Г. Кляшторный подверг критике точку зрения Л.Р. Кызласова, полагавшего, что государство «древних хакасов» (кыргызов) на Енисее выделялось из ряда древнетюркских образований развитостью социальных отношений. В частности, он отверг интерпретацию енисейских тамг как лично-семейных эмблем крупных феодалов [22, с. 125]. Исследователь обратил внимание, что Демирсузская надпись содержала тамгу, тождественную тамге пятого чаа-хольского памятника. В енисейских тамгах ученый видел родоплеменные символы, свидетельствовавшие о том, что в кыргызском государстве существовали «архаичные родоплеменные связи», что и у его соседей [44].

Определенный научный интерес представляет типологическая концепция С.А. Плетневой [45], в которой представлена эволюция кочевых обществ

от таборной формы к полуседлой. Характеризуя социально-политические системы Уйгурского, Кыргызского и Кимакского каганатов, исследовательница отнесла их к третьей стадии развития кочевников, когда у последних побеждает тенденция к оседанию. Такие общества С.А. Плетнева [45] трактует как «раннефеодальные», а в некоторых эпизодах книги как «классовые» и «феодальные». Наиболее развитым С.А. Плетнева считала Кыргызский каганат. Здесь, как она предполагала, оседание кочевников привело к тому, что в Минусинской котловине стали выращивать просо, ячмень, пшеницу, развивалось железоплавильное и кузнечное ремесла, сложились устойчивые торговые связи «внутри государства» и с соседями. Социальный строй она оценивает как «развитый феодальный», а форму организации власти — как государственную. В качестве правящей «феодальной» элиты выступал род «кыргыз» во главе с каганом. С развитием общественных отношений в каганате, согласно точке зрения С.А. Плетневой, аристократия пожелала обособиться от черного люда (кара-будун) и приняла в середине IX в. манихейство. Однако эта религиозная традиция не приобрела популярности даже среди богатых и знатных, и в XI в. манихейские обряды уже не упоминались в источниках [45, с. 91–92, 94]. Важнейшая основа государства, как пишет исследовательница, — дань подчиненных племен, для управления которыми существовали административная система и шесть разрядов чиновников (от министров до диганей), строго следивших «за порядком в войсках, за налогами, за выполнении суровых законов» [45, с. 93].

Необходимо подчеркнуть, что в историко-археологических исследованиях конца 1960 — середины 1980-х гг. социальная организация кочевых обществ Центральной Азии и прилегающих регионов конца раннего Средневековья нередко определялась исследователями как «раннефеодальная» или «феодальная» [46, с. 145–146; 47, с. 113–120; 48, с. 105]. Но в конкретном изложении фиксировалось своеобразие отдельных кочевых социумов и выявлялись особые пути социального развития кочевников. Так, гипотезу «первичной» государственности у кочевников выдвинул Е.И. Кычанов [49, с. 169–170; 50, с. 94–98]. Предполагалось существование особых военных институтов в кочевых государствах [51, с. 100–101]. О специфической роли городов в общественной жизни кочевников Центральной Азии писали В.С. Таскин [52, с. 83–84] и Г.Г. Пиков [53, с. 25–27, 31–32]. Разнообразие подходов к реконструкции общественных систем кочевников и трактовке археологических данных проявилось и в работах археологов. По мнению Л.Р. и И.Л. Кызласовых, эволюция кыргызского общества отразилась в сложении новой аскизской культуры (V–XIV вв.). Интерпретировал укрепленные поселения XI–XIII вв. в Туве и Хакасии (Оглахтинский

комплекс, городище на Кызыл-Хае у д. Подкамень и Бобровское на р. Черный Июс) как «феодальные замки», они сделали вывод о периоде «феодальной раздробленности» в «древнехакасском государстве». Исследователи считали, что появление «крепостей-убежищ» в центре государства являлось следствием «междоусобных феодальных войн», приведших к возникновению «феодальных княжеств» [22, с. 134–135; 54, с. 201–202]. Характерно, что Л.Р. Кызласов, рассматривая социальную организацию «древних хакасов» XI–XII вв., заменил анализ источников цитатами К. Маркса о «феодальной раздробленности» у монголов. Гипотетичность и схематизированность взглядов археолога выразились в стремлении наметить даже условное деление «древнехакасского общества» на княжества: «Хакасия», «Кишдим» (Тува), «Уйгурия» (северо-западная Монголия), «Алтай» [22, с. 134–135].

Л.Р. Кызласов стремился подчеркнуть особую, выдающуюся роль Южной Сибири в мировом историческом процессе. Для него характерна идеализация социально-экономической системы Кыргызского каганата, стремление придать ей вид *западноевропейского феодального общества*. Тенденция к преувеличению урбанистического облика кыргызского («древнехакасского») государства, и раньше имевшая место в трудах этого ученого, выразилась в дальнейшем развитии концепции «городской цивилизации» тюрок Южной Сибири. Находки укрепленных поселений, крепостей и сведения письменных источников послужили исследователю основанием для следующего утверждения о Кыргызском каганате: «...процесс становления городов и насаждения городской культуры свидетельствует о том, что развитие феодализма шло тем же самым путем, что и процесс сложения феодального общества у большинства народов и государств Европы и Азии». Достаточно дискуссионно и другое высказывание Л.Р. Кызласова [22, с. 143–146; 55, с. 58–61; 56, с. 41–46] по поводу подчинения кыргызов монголам, удар которых, оказывается, пришелся по *крайнему северо-восточному форпосту западного культурного мира — по древнехакасскому (кыргызскому) государству*.

В отличие от Л.Р. Кызласова, Ю.С. Худяков смог показать механизм распада государства кыргызов и единой социальной организации. Он связывал этот процесс с прекращением завоеваний, когда отпала необходимость в централизованной военно-административной системе. На первое место выдвинулись наместники отдельных областей с подчиненными им бегами, в центре государства образовались две области «киргиз» и «кэм-кемджиут» во главе с иналами, а за каганом сохранились только сакральные функции [35, с. 211–212].

Ю.С. Худяков полагал, что вряд ли стоит выделять в связи с развитием одного общества несколько культур («чаа-тас», «тюхтятскую», «аскизскую»).

Археолог предложил называть XI–XII вв. в рамках кыргызской культуры периодом «суэктэр» по названию основного вида памятников Минусинской котловины данного времени — кольцевых каменных кладок с западиной посередине, содержащих трупосожжения на горизонте и сопровождающий инвентарь. Особенностью могильников «суэктэр» была малочисленность курганов (5–10 объектов). По мнению ученого, такие некрополи «представляли собой кладбища низового подразделения кыргызского войска — десятка воинов» [39, с. 204; 42, с. 145; 40, с. 94; 35, с. 59–60].

В то же время, на наш взгляд, семейная интерпретация могильников «суэктэр» более вероятна. Во-первых, развивая мысль автора, придется признать, что кыргызы в XI–XII вв. отказались от родового принципа деления общества. Во-вторых, женщины и дети тогда бы хоронились отдельно от дружинных кладбищ. В археологических памятниках социальная стратификация кыргызов в XI–XII вв. менее ярко выражена, чем в период чаа-тас. Ю.С. Худяков указывал, что определяющим оставался этнический принцип. Погребения кыргызов и кыштымов по-прежнему имели устойчивые обособленные друг от друга обряды [39, с. 204; 40, с. 94].

Небезынтересно замечание Ю.С. Худякова о последствиях «грандиозного поражения» кыргызского восстания 795 г. против уйгуров. Именно эти события, согласно точке зрения ученого, привели к распространению в Минусинской котловине погребений со шкурой коня и богатым инвентарем, орнаментальные мотивы которого включали манихейскую символику. Данные захоронения, в отличие от тюркских, как удалось проследить Ю.С. Худякову [57, с. 89–90], были «сосредоточены на локальном участке, в междуречье рек Тесь и Ерба», «...некоторые из них, вероятно, были *впускными в большие курганы копенского чаа-таса*».

В связи с этим мнением необходимо указать и на оригинальную точку зрения П.П. Азбелева. Он считал, что в чаа-тасах нашел отражение политический состав кыргызской знати, так как центральными погребениями являлись не захоронения людей по обряду кремации, как принято считать, а ингумации. В качестве аргументов своей позиции П.П. Азбелев использовал как результаты раскопок минусинских чаа-тасов, так и доводы А.А. Гавриловой [58, с. 66]: сведения бугровщиков и алтайские аналогии. В целом ряде чаа-тасов (Сырский, курган № 2; Абаканский, курганы № 2, 12; Обалых-биль, курган № 8; в Перевозинском, курганы № 21, 79, 80, 94) погребения по обряду трупоположения занимали центральное место некрополя и в четырех случаях сопровождалась тушами коней. Таким образом, минусинские чаа-тасы, по заключению ученого, следует рассматривать как биритуальные памятники с количественным

преобладанием погребений, совершенных по обряду кремации [59, с. 154–155; 60, с. 130–131]. Причем носители традиции погребения по обряду ингумации с конем преобладали политически («вожди»), а те, кого хоронили по обряду кремации, — количественно («дружинники»). Касаясь сведений китайских источников о трупосожжениях, археолог предполагал, что китайцы были знакомы только с кыргызским обрядом в Туве, где в памятниках IX–XI вв. распространена кремация. Последнее, по мнению П.П. Азбелева [59, с. 156; 61, с. 75–76; 60, с. 131], говорило о том, что завоевательные походы кыргызов были совершены в основном той группой, которая представлена «дружинными» погребениями больших чаа-тасов. Третий уровень социальной иерархии Кыргызского каганата, как считал исследователь, был представлен погребениями по обряду ингумации с конем (кок-тюрки и уйгуры, по Ю.С. Худякову) или кремации на обособленных, по признаку обряда, могильниках, но равно под круглыми курганами и в сопровождении схожих всаднических наборов. Археолог определил их как захоронения «рядовых всадников» [61, с. 75].

В конце рассматриваемого периода определенные оценки социально-политического устройства раннесредневековых кочевых обществ Центральной Азии высказал известный отечественный номунолог Н.Н. Крадин. Исследователь настаивает на том, что в основе имущественной дифференциации кочевых обществ лежат различия в количестве скота, которым обладали те или иные семьи номадов. В социальных отношениях у кочевников Центральной Азии второй половины I тыс. Н.Н. Крадин [62, с. 98–99, 100–116] выделял разные формы зависимости (отдача скота на выпас, клиентские отношения, домашнее рабство и пр.), но отмечал, что они не играли значительной роли в скотоводческом производстве и не могли подменить труд рядовых свободных номадов. Гораздо более значимыми ученый считал даннические отношения, периодические набеги и грабежи, война, наложение контрибуции, посредническая (особенно Великий шелковый путь) и навязываемая земледельцами неэквивалентная торговля [62, с. 127–129].

Важной чертой крупных кочевых образований Центральной Азии, в том числе кыргызов, ученый называет десятичную систему, которая строилась на кланово-племенной основе. При этом основные управленческие функции в кочевых обществах выполняла традиционная кочевая аристократия и предводители. Как указывает исследователь, «значительный аппарат чиновников кочевникам становится необходимым только с завоеванием ими земледельческих областей». В целом Н.Н. Крадин [62, с. 139, 154–157] полагал, что номадам, не имевшим в своем подчинении крупных земледельческих обществ, присущи только зачаточные формы власти, и именно внешнеполитическая деятельность, набеги на земледельцев и их подчине-

ние играли роль главного фактора социально-политической интеграции.

В заключение следует отметить, что период конца 1960-х — начала 1990-х гг. стал важнейшим этапом в изучении социальных и политических систем номадов Центральной Азии в раннесредневековый период. В соответствии с марксистской традицией номадные сообщества раннего Средневековья рассматривались преимущественно как «переходные» к феодализму, раннефеодальные или сложившиеся феодальные. На иные черты кочевых обществ раннего Средневековья обратил внимание С.Г. Кляшторный. Основную роль у номадов, по его мнению, играли свободные мужи-воины, а рабовладельческая эксплуатация была связана только с домашним трудом плененных женщин. Схожие оценки высказал Н.Н. Крадин. В отношении властных институтов следует отметить, что большинство ученых рассматривали крупные политические образования номадов VI–XI вв., в том числе. Кыргызский каганат, как государственные. Среди исследований в социально-археологическом русле следует выделить разработки Г.В. Длужневской, Д.Г. Савинова, Ю.С. Худякова, П.П. Азбелева. Их немногочисленность, на наш взгляд, объясняется все еще ограниченным для рассматриваемого периода

кругом источников. Следует также сказать, что число кыргызских памятников существенно уступало количеству раскопанных и опубликованных объектов скифо-сакской и хунно-сяньбийской эпох. Пожалуй, интенсивными были только исследования в Минусинской котловине и Туве, где как раз выявлено много памятников кыргызов, в то время как, например на Алтае и в Казахстане, раскопки таких объектов были единичны. Однако даже в хорошо исследованных регионах распространения памятников кыргызов, тем не менее, многие материалы не были опубликованы, отсутствовали обобщающие работы, спорной была хронология многих объектов. К тому же среди уже исследованных материалов трудно было выявить свидетельства социальной стратификации, так как погребения средневековых номадов отличались гораздо меньшей дифференциацией по социально значимым признакам от погребений скифо-сакского и хунно-сяньбийского периодов. Требовались массовые археологические материалы и определенный наработанный опыт палеосоциологических реконструкций, чтобы в области изучения социальной структуры раннесредневековых кочевых обществ Центральной Азии был сделан существенный прорыв. В какой-то мере это удалось сделать на следующем, современном, этапе.

Библиографический список

1. Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). — Барнаул, 2009.
2. Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному // Вопросы истории (ВИ). — 1967. — № 1.
3. Хазанов А.М. «Военная демократия» и эпоха классового образования // ВИ. — 1968. — № 12.
4. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. — М., 1970.
5. Васильев Л.С. О феномене власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. — М., 1982.
6. Марков Г.Е. Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1967.
7. Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // Советская этнография. — 1982. — № 2.
8. Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. — М., 1976.
9. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII — первой половине XIX в. — М., 1970.
10. Тольбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX вв.: (политико-экономический анализ). — Алма-Ата, 1971.
11. Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. — М., 1980.
12. Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVII–XIX веков. — Алма-Ата, 1984.
13. Масанов Н.Э. Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. — Новосибирск, 1986.
14. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1967.
15. История Сибири. — Л., 1968. — Т. I.
16. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев: историко-этнографический очерк. — Л., 1969.
17. Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чагатаев VI–IX // Степи Евразии в эпоху Средневековья. — М., 1981.
18. Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. — М., 1981.
19. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху Средневековья. — М., 1981.

20. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. — М., 1969.
21. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). — М., 1979.
22. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века : учебное пособие. — М., 1984.
23. Грач А.Д. Древнетюркская археология в СССР // Филология и история тюркских народов : тез. докл. — Л., 1967.
24. Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. — Алма-Ата, 1969.
25. История Алтая. — Барнаул, 1983. — Ч. I.
26. Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1983.
27. Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. — Вып. 21. — Томск, 1976.
28. Худяков Ю.С. Типология погребений VI–XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск (Северная Азия). — Новосибирск, 1980.
29. Савинов Д.Г. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1979.
30. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л., 1984.
31. Савинов Д.Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ, 2005. — Кн. 2.
32. Тишкин А.А. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологических материалов // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ, 2005. — Кн. 2.
33. Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации населения сросткинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VIII–XII вв. н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2004.
34. Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Некоторые особенности развития элиты в кочевых обществах Южной Сибири и Центральной Азии в древности и средневековье // Политическая антропология традиционных и современных обществ. — Владивосток, 2012.
35. Худяков Ю.С. Структура военной организации у кыргызов в IX–X вв. // Из истории Сибири. — Вып. 21. — Томск, 1976.
36. Худяков Ю.С. Военное искусство енисейских кыргызов в IX–X вв. // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. — Кемерово, 1976.
37. Таскин В.С. Введение. Значение китайских источников в изучении древней истории монголов // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. — М., 1984.
38. Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей-III // Сибирь в древности. — Новосибирск, 1979.
39. Худяков Ю.С. Типология погребений VI–XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск (Северная Азия). — Новосибирск, 1980.
40. Худяков Ю.С. Типология и хронология средневековых памятников Табата // Урало-алтаистика (Археология. Этнография. Язык). — Новосибирск, 1985.
41. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. — Новосибирск, 1982.
42. Худяков Ю.С. Погребения по обряду труположения VI–XIV вв. в Минусинской котловине // Историческая этнография. Традиция и современность. — Л., 1983.
43. Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. — М., 1986.
44. Кляшторный С.Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. — М., 1986.
45. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья: поиски исторических закономерностей. — М., 1982.
46. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. — Ашхабад, 1969.
47. Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата, 1972.
48. Акишев К.А., Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. — Алма-Ата, 1979.
49. Кычанов Е.И. К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен в XII в. // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. — Улан-Батор, 1974.
50. Кычанов Е.И. О татаро-монгольском улусе в XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1986.
51. Ларичева В.Е., Тюрюмина Л.В. Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляо ши») // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. — Новосибирск, 1975.
52. Таскин В.С. Отношения Китая с северными соседями в древности // Проблемы Дальнего Востока. — 1975. — № 3.
53. Пиков Г.Г. О столице государства западных киданей // Восточная Азия и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1986.
54. Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.

55. Кызласов Л.Р. Городская цивилизация тюркоязычных народов Южной Сибири // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. — Абакан, 1988.

56. Кызласов Л.Р. Древняя и средневековая история Южной Сибири (в кратком изложении). — Абакан, 1991.

57. Худяков Ю.С. Тюрки и уйгуры в Минусинской котловине // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. — Кемерово, 1994.

58. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М. ; Л., 1965.

59. Азбелев П.П. Ингумации в минусинских чаатасах (к реконструкции социальных отношений по археологическим данным) // Актуальные проблемы методики западно-

сибирской археологии : тез. докл. регион. науч. конф. — Новосибирск, 1989.

60. Азбелев П.П. Погребальные памятники типа минусинских чаатасов на Иртыше // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. — Кемерово, 1994.

61. Азбелев П.П. Опыт археологической реконструкции социальной структуры населения Кыргызского каганата (VII–X вв.) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. — Томск, 1990.

62. Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). — Владивосток, 1992.